

А.С. Пушкин – верующий, или думающий?

Христианство в форме православия определяло и определяет все сферы бытия русских. И хотя его значение при Петре Первом было понижено, но в основном только среди узкой прослойки просвещенных людей. В отличие от Запада в России элементы критического отношения к религии стали возникать только в конце XVIII века, а атеизм был взят на вооружение небольшой прослойкой «критиканов» царского режима, немалая часть которых жила за пределами самой России. Любопытно, что, как ни странно, их атеизм взращивался глубоким изучением гегелевских работ, – философа, который был кумиром наиболее просвещенной части России того времени. Я имею в виду Н.В. Станкевича, В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н.А. Некрасова, М.А. Бакунина, А. И. Герцена, Н.П. Огарева, Д.И. Писарева, П.Л. Лаврова, Г.А. Лопатина, Н.Г. Чернышевского, Н.И. Утина и др. Тем не менее религиозными оказались практически все крупные личности страны, которые так или иначе духовно и идеологически влияли на российское общество. Этот факт является одним из «весомых доказательств» истинности христианства для нынешних проповедников православия в России.

* * *

В этих целях активно используется имя А.С. Пушкина, а, как известно, для русских Пушкин – «наше всё». В условиях тотальной христианизации России богословы и церковники пытаются доказать, что чуть ни все великие люди России были религиозными, и конечно, Пушкин среди них занимает одно из первых мест. По этому поводу устраивают даже конференции «Пушкин и христианство». В качестве доказательства часто прибегают к рецензии поэта на сочинение Сильвио Пеллико «Об обязанностях человека», которая была опубликована в «Современнике» без подписи. В ней есть такие слова:

Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения,

которого не знали бы *все наизусть*, которое не было бы уже *половицею народов*; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но книга сия называется Евангелием, – и такова её вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удручённые унынием, случайно откроем её, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в её божественное красноречие.

Хотя я не уверен, что эта рецензия действительно принадлежит перу Пушкина (стиль уж больно не пушкинский), но тем не менее исключить это нельзя. Видимо, поэтому она и была включена в его собрание сочинений. Правда, в советские времена, наоборот, подчеркивали атеистичность Пушкина и для этого тоже были определенные основания. В те времена подчеркивалось, что уже в лицейских стихах «Городок», «Бова», «Гень Фонвизина», «Из письма к В.Л. Пушкину» и поэме «Монах» поэт проявляет отрицательное отношение к религии, к ее догмам и служителям. В нашумевшей «Гаврилиаде» он камня на камне не оставляет от «бога» («не правил он ничем – и без него все шло своим порядком») и в вольтеровско-саркастической манере высмеивал догматы и басни Евангелия, в том числе и о непорочном зачатии Христа.

Многие явно не знают такой факт его биографии. Во время своего пребывания в Одессе он писал одному из своих друзей: «... Беру уроки чистого афеизма (атеизма. – *О.А.*). Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил. Он исписал листов 1000, чтобы доказать *qu'il ne peut exister d'être intelligent Créateur et régulateur* (что не может существовать разумного существа, творца и правителя), мимоходом уничтожая слабые доказательства бессмертия души».

Речь идет о великом английском поэте, атеисте и революционере Перси Биши Шелли. Именно его работы он читал, находясь в Одессе, за что, кстати, расплатился ссылкой в Михайловское. Кстати, именно в Михайловском он написал интересный отрывок, который пушкинисты условно назвали «Создание мира». Это – материалистическое по своей сущности поэтическое переложение библейской легенды о сотворении мира, причем из этой легенды исключен... бог. Такая «безбожная», откровенно антирелигиозная полемика со «священным писанием»

характерна для Пушкина, для которого в материальном мире не было места для бога.

Любопытно, что и после распада СССР баталии вокруг Пушкина не утихают в контексте: верил он в бога или нет. В одной из статей философа Ю.А. Муравьева подробно описаны столкновения взглядов на этот счет среди пушкинистов. В частности бой разгорелся вокруг такой, как мне казалось, ясной фразы из известного письма (точнее, черновика письма) Пушкина к Чаадаеву. Оно было писано на французском и сыр-бор разгорелся из-за перевода, который, как бы менял смысл сказанного. На французском это звучит так: «*La religion est étrangère à nos pensées, à nos habitudes, à la bonne heure, mais il ne fallait pas le dire*». Он переведен: «Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам, к счастью, но не следовало этого говорить». Оказывается, эту фразу, по мнению сторонников «правильного» перевода, надо переводить так: «Вы полагаете, что религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам, пусть так, но не следовало это говорить». И тогда смысл этой фразы приобретает иное начало: «Пускай вы, мой друг, может быть, правы в оценке слабой религиозности русского народа и нашего образованного общества по сравнению с народами Западной Европы, но писать об этом не следовало».

В отличие от спорщиков я не вижу большой разницы между первым и вторым переводом по содержанию. И в том, и в другом случае очевидно, что религия чужда то ли самому Пушкину, то ли русскому народу. Но в этой фразе любопытно другое – что об этом «не следовало говорить».

Известно, что какие бы чувства сам Пушкин не испытывал в отношении религии, на публике, «официально» он, как говорят теперь, позиционировал себя вполне религиозным человеком. Об этом свидетельствует не только выше приведенная рецензия на сочинение Пеллико, но и множество других его высказываний и статей, в частности, статья по поводу собрания сочинений Георгия Кониского, архиепископа Белорусского, опубликованная в «Современнике», правда, тоже без подписи. Но особенно красноречиво его религиозность выступает в статье о А.Н. Радищеве, в которой он обвинил великого революционного демократа в невежестве, посредственности, слабоумии

и даже преступности (в связи с его книгой «Путешествие из Петербурга в Москву»). Но самое интересное, что таких качеств Радищев набрался, по мнению Пушкина, начитавшись Гельвеция, «его пошлой и бесплодной метафизики». Достается и другим французским мыслителям: «Другие мысли, столь же детские, другие мечты, столь же несбыточные, заменили мысли и мечты учеников Дидрота и Руссо, и легкомысленный поклонник молвы видит в них опять и цель человечества, и разрешение вечной загадки, не воображая, что в свою очередь они заменятся другими» (там же). И вот главное, Пушкин в укор ему ставит следующее: «Радищев хотя и вооружается противу материализма, но в нем все еще виден ученик Гельвеция. Он охотнее излагает, нежели опровергает доводы чистого афеизма» (там же, с. 193).

Из этой статьи явствует, что Пушкин яростный противник французских просветителей, никакой не афеист, а феист. То есть обычный русский гражданин, угодный и Кесарю, и Богу. Но не все так просто. Кесарю-то он служил исправно, но с Богом все-таки не подружился. Почти все его стихи, где затрагивается религия, ироничны и даже саркастичны. Так с Всевышним не ведут себя. Например, вот из «Десятой заповеди» (1821):

...Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня,
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, –
О боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?...

Это напомнило мне интерпретацию заповеди «Не прелюбодействуй» молодыми американцами: «Но если секретарша хороша, то можно». Кстати, Пушкин, думаю, сознательно «перепутал» 7-ю заповедь с 10-й, в которой речь идет об имуществе. Так сказать, побалагурил. И вот еще одно богохульство:

Не веровал я троице доньне:
Мне бог тройной казался все мудрен;
Но вижу вас и, верой одарен,
Молюсь трем грациям в одной богине.
(«Кн. Урусовой», 1826 г.)

Думаю, что реальная сущность Пушкина проявилась и в известном и нашумевшем четверостишии, почерпнутом из работы бесстрашного атеиста, французского священника Жана Мелье:

Мы добрых граждан позабавим
И у позорного столпа
Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим

Вокруг него также не раз возникали споры, действительно ли эти строки принадлежат Пушкину. Полагаю, что все-таки ему. В годы их написания Пушкин жил в Кишиневе и в то время действительно был настроен антидворянски. В записях дневника П.И. Долгорукова указывается, что в те времена от него можно было услышать, что дворян русских «надобно всех повесить, а если бы это было, то он с удовольствием затягивал бы петли». Хотя уже через несколько лет он сокрушается в письме А. Дельвигу (16 ноября 1823 г.): «... Жалею, что мои элегии писаны против религии и правительства...».

Подобного рода противоречивость характерна для всех «официальных лиц» тех времен, когда религиозность была естественным атрибутом в обществе, в котором нужно было вращаться и оставаться в нем. Только подлинны революционеры, или бесстрашные философы поднимают свой меч против религии, рискуя своей жизнью. Пушкин был не из трусов. Но предпочитал рисковать своей жизнью на дуэлях ради той или иной красавицы, чем ради низвержения богов. И хотя в душе он и был афеистом, но в обществе – православным почитателем богов. Полагаю, что это понимала и власть, и церковь, но учитывая его популярность среди образованных кругов, старалась сей прискорбный факт не афишировать. В любом случае следует признать, что атеистических стихов у Пушкина было множество, религиозных максимум одно-

два. Другими словами, объективно его творчество работало в антирелигиозном направлении. Думаю, что «Сказка о попе и о работнике его Балде», которую чуть ли ни все дети знали наизусть, перекрывает все его противоречия, связанные с религией. В конечном счете он – Думающий¹.

26 сентября 2017 г.

---

¹ Любопытный факт. Украинские националисты в отличие от русских национал-патриотов, наоборот, стараются представить Пушкина именно атеистом, тем самым подводя к мысли о том, что он не славянин, не из славянской культуры. См.: *Подволоцкий Андрей*. Пушкин: жизнь и смерть великого безбожника. – на сайте «фрАза».